

Наследие империй и будущее России / Под ред. А.И. Миллера. М.: Фонд «Либеральная миссия»; Новое литературное обозрение, 2008. 528 с.

Рецензируемая книга, вышедшая под редакцией Алексея Миллера, посвящена комплексу проблем, очень болезненных и для нашего общества, и для обществ всех постсоветских стран. «Империю, — пишет Миллер, — прославляют (кто-то Российскую, кто-то советскую, а кто-то обе), империю объявляют источником всех зол и бед» (с. 5). И насколько я понимаю, основная задача редактора-составителя заключалась в том, чтобы направить эмоционально нагруженный разговор о наследии империи в более строгое, научное русло. Такой «академизации» обсуждения Миллер (как в данной книге, так и в других своих работах) достигает двумя способами.

Во-первых, систематически сравнивая Российскую империю с аналогичными государственными образованиями. Подобное сравнение позволяет освободиться от невротической «заикленности» на самих себе — на наших преступлениях, подвигах, утратах и достижениях. Очень многое в российской имперской истории оказывается вовсе не уникальным, а общим с опытом других государств. Так, политика русификации, направленная на растворение в русской нации соседних народов, прежде всего украинцев и белорусов, не есть проявление какого-то присущего только русским шовинизма. Можно найти прямые аналогии в не менее жесткой, но более успешной французской политике, приведшей к ассимиляции ряда этнических групп, которые потенциально были способны стать самостоятельными нациями, или в еще более жесткой, но малоуспешной венгерской политике. Реально существовавшие среди самых разных народов Российской империи (и еще больше Советского Союза)

чувство общности, имперский и советский патриотизм и появившаяся не только у русских, но и у всех народов после распада империи ностальгия по прошлому — тоже не уникальные явления, якобы говорящие о каких-то особых достоинствах русских и созданных ими империй. Австрийская империя породила отнюдь не меньшее чувство общности и патриотизма, равно как и ностальгию, а в Индии после достижения независимости многие люди вспоминали британский «радж» почти как золотой век. Не вызывающая сомнений модернизация в Российской империи и еще более в СССР отсталых этносов, превращение некоторых из них в более или менее полноценные нации (что в конце концов и погубило империю) — тоже не исключительно наше достижение. Достаточно сопоставить Афганистан, не прошедший британскую колониальную выучку, с Пакистаном и Индией, чтобы понять: пребывание в составе Британской империи по меньшей мере не замедляло развитие. Короче говоря, сравнительное изучение позволяет перестать шарахаться из одной крайности в другую, представляя себя то как уникально «хороших», то как уникально «плохих», а созданные нами империи (Российскую и советскую) — то как абсолютное зло, которого надо стыдиться, то как предмет особой гордости. И только при сравнении удастся выявить действительно уникальные черты Российской империи и СССР.

Во-вторых, Миллер «академизирует» обсуждение проблематики Российской империи и Советского Союза, активно используя работы западных ученых, то есть людей, для которых эти государства просто интересный объект изучения, в том числе и компаратив-

ного, тогда как для россиян они по-прежнему «незажившие раны» их памяти и самоидентификации. В рецензируемую книгу, в частности, включены очень интересные статьи исследователя из Норвегии Ивара Нойманна и работающего в Англии Александра Кустарёва.

В целом Миллер реализовал свой замысел, сделав хорошую и полезную книгу, хотя вошедшие в нее статьи не равноценны; есть среди них, на мой взгляд, и слабые. Но в данной рецензии я не буду давать оценку всем работам и разбирать многочисленные проблемы, затронутые в них. Я остановлюсь лишь на одном недостатке книги, который характерен не для нее одной, а для многих отечественных исследований и дискуссий. Это — неясность центральных понятий, вокруг которых строится рассуждение и ведется полемика. В нашем случае — неясность самого понятия «империя».

«Империя» — это слово повседневного языка, как и множество ему подобных, означающее нечто неопределенное, некую претензию государства и его «хозяев» на величие. Императорами стали именовать себя Пётр Первый и Наполеон, решившие, что старые звания «царь» и «король» не достаточны для увенчания их величия и достижений. Словами «император» и «империя» переводили на европейские языки соответственно титулы правителей и обозначение их владений в больших неевропейских странах — Японии, Китае, Турции, Эфиопии (но почему-то не в Иране). Дважды провозглашали себя императорами особо амбициозные правители Мексики и тоже дважды — маленького Гаити, а один раз — диктатор переименованной на время в империю Центрально-Африканской Республики. Но ясно, что употребление одного и того же слова для обозначения практически мононациональной Японии (до периода ее экспансии), крохотного Гаити с его очень высоко

ценившими себя правителями, Французской Республики с ее колониями и СССР — уж никак не соответствует принципам научной строгости. В статье Ольги Малиновой («Тема империи в современных российских политических дискурсах»), помещенной в рецензируемой книге, хорошо показано, насколько по-разному и неопределенно употребляется это слово в нашей прессе и литературе.

Разумеется, нельзя требовать от авторов, чтобы они определяли каждое слово, иначе коммуникация в гуманитарной литературе станет просто невозможной. Но в данной книге, где «империя» главное обсуждаемое понятие, необходимо было, на мой взгляд, как-то обозначить рамки его употребления. Между тем авторы даже не пытаются сформулировать, что же такое «империя». Миллер пишет, что «никакого общепринятого определения империи не существует» (с. 27). Наверное, это так, но ведь речь идет не об общепринятом употреблении слова, а о том, какой смысл вкладывает в него сам автор, — чтобы читатель понял, о чем идет речь. Иначе значение стержневого для книги слова становится почти столь же расплывчатым, как и в повседневной речи. То, что Российская империя — это империя, согласны вроде бы все (она и сама так себя называла). Но вопрос, можно ли применять этот термин к СССР, для авторов явно не решен. Сам Миллер в статье «История империй и политика памяти» подробно пересказывает Терри Мартина, отмечавшего разного рода своеобразные черты советской национальной политики, но, несмотря на то, что он об этом пишет в разделе статьи, озаглавленном «СССР как империя», никакого ответа на вопрос, являлся ли СССР империей, и если да, то почему, мы не находим. А на с. 110 в статье Натальи Тихоновой говорится о «восстановлении империи типа Советского Союза (если, конечно, считать СССР империей)». Но если не определено, что такое

империя, и если не считать СССР империей, тогда вообще непонятно, о каком наследии ведут речь авторы.

Более того. Хотя в книге не найти определения империи, в ней содержится довольно эмоциональная, но, как мне кажется, маловразумительная полемика с одной из попыток ответить на этот вопрос. Речь идет об определении, данном Евгением Ясиным в книге «После империи» (под редакцией И.М. Клямкина. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2007). Ясин предлагает такую формулировку: «Империя — это государство, в котором один народ (государствообразующий) устанавливает господство или доминирование над другим или многими другими народами, обычно с присоединением территории их расселения, и удерживает их под своей властью силой или угрозой силы» («После империи», с. 7). Достоинство этого определения не в том, что оно раскрывает «сущность империи» — вряд ли французская колониальная империя, Япония и империя Сулука (Фостена I) в Гаити обладают некой единой сущностью, которую можно четко зафиксировать, — а в том, что из него более или менее ясно, о чем идет речь. Это — попытка относительно строгого употребления слова повседневной речи, не охватывающего всех случаев его использования (такое вообще невозможно), но и не столь уж далекого от его обычного смысла. Предложенную Ясиным формулировку можно критиковать, уточняя значение, скажем, формулы «угроза применения силы» или совсем уж расплывчатого слова «обычно». Вполне вероятно, есть и другие варианты толкования слова «империя»; например, Чарлз Тили считает, что это — «полития, объединенная вокруг центральной власти непрямым правлением». В любом случае нельзя говорить, что формулировка Ясина, равно как и Тили, просто «неправильна». Это — альтернативные варианты относительно строгого упо-

ребления одного и того же многозначного неопределенного ненаучного слова. И уж совсем некорректно, на мой взгляд, критиковать чье-то определение, не выдвигая своих «контрпредложений». Между тем Валерий Тишков прямо-таки негодует по этому поводу («ничего близкого к определению Ясина в научной литературе нами не обнаружено» — с. 459), но при этом не говорит, что же все-таки он обнаружил в этой литературе, и не выдвигает никакой альтернативы. Что касается Миллера, то он попросту попытку Ясина игнорирует.

И все же дать хоть какое-то определение слова «империя» в любом случае лучше, чем употреблять его как бог на душу положит. И определение, которое дал Ясин, в целом вполне «рабочее», хотя, естественно, нуждается в уточнениях. Одно из таких уточнений, кажущееся мне важным, я бы хотел предложить.

Ясинское определение фиксирует некоторые отношения между этносами в государстве. Такие отношения характерны для большинства государств, которые назывались империями (но не для всех — например, не для Гаити), и играли в их структуре важную роль. Однако есть очень много стран, в которых такие отношения тоже присутствуют, хотя и не играют столь значительной роли, но их никогда не называли империями, и вряд ли стоит их так называть. Поэтому я думаю, что формулировку Ясина следует понимать как определение не «империи», а существующих в государстве «имперских отношений». Если в полиэтническом государстве есть иерархия этносов и находящиеся на низшей ступени этой иерархии этносы не имеют возможности мирным и законным путем выйти из него, значит, в таком государстве присутствуют «имперские отношения». Подобные отношения могут играть большую или меньшую роль (когда этносов «второго сорта» много, тогда отношения с

ними определяют всю структуру государства, когда — немного, тогда отношения с ними большого значения не имеют). И они могут быть сильнее или слабее выражены, то есть этносы «второго сорта» либо открыто угнетаются, либо обладают разными правами, не имея, однако, легальной возможности выйти из государства. Очень часто вообще невозможно определить с первого взгляда, есть ли такие отношения. Например, в Канаде между англоязычными и франкоязычными канадцами их, очевидно, нет: если бы франкофоны на своих референдумах высказались за отделение, их бы явно не стали удерживать силой. Но имеется много стран, даже демократических, где проведение таких референдумов практически невозможно. Вполне вероятно, что, например, отношения во Французской Республике между французами и корсиканцами можно все же охарактеризовать как очень смягченный вариант «имперских отношений».

Если говорить не об империи (оставив это слово для ненаучного языка), но об имперских отношениях, вопрос о том, называть ли СССР империей, утрачивает свой смысл. Можно называть, можно не называть. Но отрицать, что в СССР между русскими и другими народами были «имперские отношения», на мой взгляд, невозможно. Русские были главным народом, «старшим братом». Это отражалось и в символике (очень причудливой, стоит только вспомнить удивительные слова советского гимна: «Союз нерушимый республик свободных сплотила навеки великая Русь»), и в том, что все были обязаны учить русский, а русские отнюдь не были обязаны учить другие языки народов Советского Союза, и в том, что другие народы не могли мирно и законным путем выйти ни из РСФСР, ни из СССР, ни даже из последнего, самого широкого круга зависимых от Москвы стран и народов, для которых русские также играли роль «старшего брата», — «соцлагеря».

Но если это так, тогда совершенно иначе выглядит вопрос о «наследии империи».

«Наследие империи» прежде всего в том, что ликвидация Советского Союза не означала ликвидации имперских отношений между русскими и другими народами. Распались два круга «империи» — соцлагерь и СССР, но сохранился третий — РСФСР, где отношения между русскими, с одной стороны, и чеченцами, татарами и иными народами — с другой, несомненно имперские. И это даже более жестко имперские отношения, чем отношения в Советском Союзе между русскими и титульными народами союзных республик, за которыми формально признавалось равноправие с РСФСР и даже право на отделение.

Любой татарин, якут, чеченец должен знать русский, а русские вовсе не обязаны знать татарский, якутский, чеченский. Татары недавно убедились, что они не вправе сами выбирать алфавит для своего языка. Любой татарин должен учить историю, в которой говорится о героической Куликовской битве и т. д. И уйти из этого государства татары не могут (что получилось из попытки чеченцев, мы знаем). Сохранение в России имперских отношений — это самый главный элемент «наследия империи», когда-то покорившей татар, Сибирь, народы Северного Кавказа. Если СССР «империя» по той причине, что в нем были «имперские отношения», имперская иерархия этносов, тогда и Россия — «империя». «Империя» уменьшилась в размерах, сжалась, но не исчезла. И это — самое основное «наследие империи», более очевидное, чем психологические последствия распада СССР — ностальгия по величию, стремление сохранить бывшие братские республики в российской «зоне влияния» и т. д. Между тем об этом главном «наследии империи» в книге не говорится практически ничего (очень добротная и интересная статья Николая Петрова «Наследие империи и регионализм» — о другом).

Как же надо относиться к такому «наследию империи»? Мне представляется, что относиться надо спокойно, при этом четко понимая, что с современной моральной точки зрения имперские отношения всегда должны оцениваться негативно. Имперские отношения всегда и везде — неравенство, иерархия народов, всегда и везде в них есть элемент прямого или косвенного насилия.

Когда-то, в додемократическую эпоху, имперские отношения воспринимались как норма. Любое государство стремилось покорить другие и стать империей. Но развитие и распространение демократических идей свободы и равенства начали подтачивать и разрушать империи, а имперские отношения, поскольку они сохраняются, стали смягчаться, камуфлироваться или отрицаться. «Имперскость» из того, чем хвастаются, превратилось в то, чего стыдятся и что скрывают, утверждая, например, что курдов вообще нет — есть только турки, или что в СССР не было никакой иерархии народов — был только один «советский народ», а в России давно уже образовалась единая «российская нация».

Тем не менее имперские отношения существуют в очень многих государствах. И при всей их несправедливости вряд ли возможно выдвигать идею их полной ликвидации. Мир не может быть абсолютно справедливым, и очень часто устранение какой-то несправедливости влечет за собой новые и куда более страшные несправедливости. Со многими несправедливостями лучше постараться сжиться, смириться, стремясь уменьшить их, свести к минимуму, при этом понимая, что полностью от них избавиться невозможно. Ничего особенно страшного в том, что в каких-то отношениях татары в России, или баски в Испании, или тибетцы в Китае — граждане второго сорта, нет. Наличие смягченных, сведенных к приемлемому минимуму имперских отношений — не такое уж боль-

шое зло, чтобы для его ликвидации идти на громадные трудности и лишения, связанные с борьбой за независимость, разделом территории и построением нового государства. Но чтобы «негосударствообразующие» этносы действительно смирились и сжились со своей «второсортностью», «главному народу» надо понимать несправедливость имперских отношений и стараться их смягчить, сделать неизбывную «второсортность» приемлемой. Но для этого требуется прежде всего видеть, что такие отношения есть, и называть их своим именем.

Миллер выдвигает два принципа, объединяющих авторов книги. Он пишет: «Все мы [авторы] исходим из того, что современную Россию в территориальном смысле следует воспринимать как устойчивое явление и планы обустройства страны должны быть основаны именно на этом постулате» (с. 6). Это — не научное, а политическое высказывание, выражение желания. Как будет на самом деле, лежит за пределами возможного сейчас научного анализа и прогноза. Но как к абстрактному пожеланию к нему вполне можно присоединиться. Однако второй сформулированный Миллером общий принцип-пожелание мне представляется более важным, и я бы поставил его не на второе, а на первое место: «Мы исходим из того, что направлением политического развития должна быть демократизация...»

Удержание народов в составе многонационального государства «любой ценой», как мы удерживали чеченцев, а грузины — абхазов, морально неприемлемо. Но большое многонациональное государство, даже если в нем наличествуют имперские отношения, имеет много преимуществ. Его распад, отделение от него — всегда трудный и мучительный процесс, болезненность которого чаще всего оказывается большей, чем радость от обретенной независимости и сознания, что твой

народ перестал быть «второсортным». Никогда в России татары или чеченцы не будут полностью равны русским, и даже самая демократическая Россия все равно останется государством с иерархией этносов. Но реально демократическая Россия может смягчить «имперские отношения» до такой степени, когда для чеченцев, татар и других народов преимущества пребывания в большой, свободной, упорядоченной и процветающей

стране будут явно перевешивать преимущества быть государствообразующим народом крохотной страны. К этому надо стремиться, и ради этого нам, представителям «главного» этноса, надо меняться, изживая имперские мифы и имперскую психологию. Книга под редакцией Алексея Миллера — свидетельство того, что этот процесс медленно и мучительно, но идет. ■

ДМИТРИЙ ФУРМАН

Omar Nasiri. Inside the Jihad: My Life with Al Qaeda, A Spy's Story. N.Y.: Basic Books, 2006. 384 p.

Brynjar Lia. Architect of Global Jihad: The Life of al-Qaida Strategist Abu Mus'ab al-Suri. N.Y.: Columbia Univ. Press, 2008. 256 p.

Michael Bonner. Jihad in Islamic History: Doctrines and Practice. Princeton Univ. Press, 2006. 224 p.

The Taliban and the Crisis of Afghanistan / Robert D. Crews, Amin Tarzi (eds). Harvard Univ. Press, 2008. 448 p.

Antonio Giustozzi. Koran, Kalashnikov, and Laptop: The Neo-Taliban Insurgency in Afghanistan. Columbia Univ. Press, 2007. 224 p.

Daniel Byman. The Five Front War: The Better Way to Fight Global Jihad. Wiley, 2007. 320 p.

Philip H. Gordon. Winning the Right War: The Path to Security for America and the World. Times Books, 2007. 224 p.

После 11 сентября 2001 года весь читающий мир в короткий срок узнал об основных принципах джихада и о том, как они были искажены «Аль-Каидой». Сегодня полки книжных магазинов на Западе вновь заполнены работами на эту тему, и не похоже, чтобы эти книги вдруг исчезли. Участие в джихаде (что означает «усилие», «борьба») «рекомендуется», но не является обязательным для всех мусульман, однако интерпретировать это понятие можно совершенно по-разному: сюда входит

и большой джихад, который подразумевает очищение души и совершение добрых дел для общества, и малый джихад во имя защиты ислама, когда тот подвергается нападкам. Каждое крупное собрание хадисов, или изречений пророка Мухаммеда, которые были составлены несколькими мусульманскими учеными спустя многие годы после смерти Пророка, содержит свое собственное описание джихада, так что в итоге споры о джихаде всегда сводились к его различным интерпретациям, а не к его буквальному исполнению.

Джихад афганских моджахедов против советских войск в Афганистане в 1980-х

ПЕРЕВОД РЕЦЕНЗИИ АХМЕДА РАШИДА (AHMED RASHID) "JIHAD SUICIDE BOMBERS: THE NEW WAVE", ОПУБЛИКОВАННОЙ В ЖУРНАЛЕ THE NEW YORK REVIEW OF BOOKS (VOL. 55, NO 10, JUN. 12, 2008). ПУБЛИКУЕТСЯ С ЛЮБЕЗНОГО РАЗРЕШЕНИЯ АВТОРА И THE NEW YORK REVIEW OF BOOKS

был поддержан США и Западом. В нем участвовало около 40 000 неафганцев, многие из которых получили исламское образование и прошли военную подготовку на деньги ЦРУ, при поддержке и под защитой Общевойсковой разведки Пакистана (*ISI*). Некоторые из этих людей сражались и погибли, другие вернулись домой, чтобы распространять идею джихада, обогащенные новыми связями, которые они установили в своеобразном университете джихада, созданном в пакистанских городах, таких как Пешавар. В 1990-х годах слово «джихад» приобрело более страшный оттенок, поскольку афганцы безжалостно убивали друг друга в кровавой гражданской войне, причем каждая из сторон утверждала, что именно она ведет джихад. Мусульмане в других частях мира делали то же самое. Убивая своих братьев по вере, они утверждали, что ведут джихад.

Когда в 1996 году Усама бен Ладен решил начать джихад против Соединенных Штатов и Запада со своей новой базы в Афганистане, мало кто отнесся к этому серьезно. Но оказалось, что некоторым событиям правительства западных стран придавали тогда слишком мало значения, поскольку Афганистан стал своеобразным инкубатором, в котором появился на свет новый, возглавляемый арабами «мировой джихад» против Запада. Во время пятнадцатилетней войны против индийского правительства в Кашмире Южная Азия узнала, что такое террористы-смертники. В Сомали в результате бесконечной гражданской войны не осталось никакого явного центра власти, и в этом хаосе то и дело возникали никому не подчиняющиеся группы джихадистов. Израильско-палестинский конфликт, казалось, становится все более неразрешимым. Предпринятая президентом Клинтоном в конце его срока пребывания у власти неудачная попытка установить мир в этом регионе привела лишь к тому, что многие палестинцы стали подпа-

дать под влияние наиболее экстремистских исламских идей.

Две из рассматриваемых книг настолько хорошо описывают этот смутный период 1990-х, что возникает вопрос: возможно ли было предотвратить катастрофу 11 сентября, появившись они на десять лет раньше? Одна из них — это книга Омара Насири «Внутри джихада: Моя жизнь с «Аль-Каидой». История шпиона», написанная от первого лица тайным агентом марокканского происхождения, который в 1990-х годах по заданию европейских разведок проникал в исламистские группировки. Другая — это книга Брунхара Лиа «Творец мирового джихада», принадлежащая перу норвежского ученого и представляющая собой жизнеописание главного стратега «Аль-Каиды» по имени Абу Мусаб аль-Сури, арестованного в 2005-м в Пакистане и затем переданного американским властям. Теперь он один из «исчезнувших» заключенных. Герои обеих книг — люди, которые прошли обучение в террористических лагерях в Афганистане в начале 1990-х годов (когда бен Ладена там еще и не было) и которые затем ездили по всей Европе, мобилизуя мусульман для участия в тогда еще зарождавшемся мировом джихаде. Афганские лагеря обеспечивали военное и техническое обучение, там проводилась идеологическая подготовка и создавались новые глобальные сети задолго до того, как на сцену вышла «Аль-Каида».

Молодые люди, которых готовили в этих лагерях, не получали образования в исламских школах (медресе) и вдохновлялись не столько экстремистской исламской идеологией, сколько желанием увидеть мир, взять в руки оружие и окунуться в юношеские приключения. Это был мир мальчиков, для которых действительность была игрой. «Я понял, что мечтал об этом многие годы», — пишет Насири (это не реальное имя, а псевдоним). «Я был в горах Афганистана, и вокруг меня грохотали выстрелы... Выстрелы из пистоле-

тов и винтовок и огонь минометов буквально взрывали гору. Это напоминало своего рода хор, и порой я испытывал трепет и благодарил Всевышнего за то, что Он привел меня сюда».

В то время этих молодых людей, возможно, удалось бы удержать от участия в яростном джихаде, нацелив их на что-то более конструктивное, если бы мусульманские власти и западные страны вовремя поняли, что происходит. Сегодняшние альтернативные программы образования, обучающие полезным навыкам, — основная стратегия противостояния джихаду в Ираке, Афганистане, Саудовской Аравии и в других местах — появились слишком поздно, и их все труднее реализовывать, поскольку теперь террористы опираются на гораздо более зрелую идеологию, нежели в начале 1990-х.

Этот неопределенный период закончился возвращением бен Ладена в Афганистан в 1996 году, когда он по-новому организовал арабов и других иностранцев, признавших в нем своего лидера, и предложил им новую концепцию джихада как обязательной и бесконечной войны против Запада и его мусульманских «лакеев» в исламском мире. Когда в 1998-м террористы «Аль-Каиды» взорвали два американских посольства в Африке, что привело к большим потерям среди африканских мусульман, бен Ладен тем самым открыто заявил, что убийство братьев-мусульман и даже женщин и детей в этой борьбе оправданно, несмотря на то что Коран категорически требует в ходе войны избегать жертв среди мирного населения, особенно среди женщин и детей.

В то время на Западе, казалось, никто и не подозревал, насколько сильно бен Ладен уже исказил исламское учение. Его тактика едва ли имела что-то общее с религией — она была полностью ориентирована на завоевание политической власти и влияния. Из механизма защиты джихад превратился в насту-

пательное оружие, возвысившее понятие мученичества. У каждой религии есть свои мученики, например, первые христиане и евреи, бросавшие вызов Римской империи. В исламе тоже существует свой пантеон мучеников. Но Коран категорически запрещает самоубийство. И пока «Аль-Каида» не начала превратно истолковывать религиозные тексты, мученическая смерть допускалась лишь как последнее средство для загнанного в угол мусульманского воина, а вовсе не как преднамеренно спланированный акт. Это радикальное изменение концепции мученичества многие обозреватели рассматривают как своего рода лицензию, выданную современному исламскому терроризму.

До 11 сентября «Аль-Каида» устраивала теракты с помощью террористов-смертников, но она также вела борьбу и на традиционном поле сражения, поддерживая союзников, таких как правительство талибов, кашмирских террористов и сомалийских полевых командиров. Экстремистам 1990-х годов, описанным в книгах Насири и Лиан, никогда не пришлось бы в голову расставаться с жизнью, умышленно идя на самоубийство: они слишком ценили свою жизнь и были слишком увлечены распространением идеи мирового джихада по всему земному шару.

Конечно, «Аль-Каида» по-прежнему участвует и в обычных партизанских войнах, например, против американских войск в Ираке и Афганистане, но сегодня, семь лет спустя после 11 сентября, джихад для «Аль-Каиды» и ее союзников по всему миру все в большей степени означает лишь одно — взрывы террористов-смертников. Это тенденция, которой необходимо всячески противодействовать. Теперь уже нельзя считаться настоящим воином джихада, не убив себя одновременно со множеством других людей. Таким образом, в период после 11 сентября экстремистская интерпретация джихада подвер-

глась еще одной метаморфозе, выродившись в культ террористов-смертников, от которых зачастую вообще нет никакой эффективной защиты. В специальных видеозаписях, которые такие «мученики» делают непосредственно перед тем, как взорвать себя, они любят насмехаться над теми, кто будет смотреть эти кадры, и произносят фразы вроде: «вы, американцы, любите жизнь, а мы любим смерть». Эти записи, показываемые западным телевидением, выставляют мусульман и саму мусульманскую религию в невыгодном свете: все это выглядит нелепо и почти безумно. Подобные видеозаписи способствуют разжиганию на Западе антиисламской ксенофобии, которая, в свою очередь, помогает вовлекать все больше новичков в ряды террористов-смертников в Ираке, Афганистане и Пакистане. Образуется порочный круг.

Между тем, как убедительно показал Майкл Боннер в своей короткой, острой и хорошо написанной книге «Джихад в исламской истории: Доктрина и практика», понятие джихада постоянно менялось. Боннер пишет, что своим успехом ранний ислам обязан отдельным арабским кочевникам, объединившимся, чтобы создать сообщество, основанное на вере в Бога, главной особенностью которого была забота о бедных: «Наиболее характерные черты деятельности этого раннего сообщества (в Мекке) — великодушные и забота о бедных и несчастных... Без сомнения, это привело к глубоким политическим и социальным преобразованиям на Аравийском полуострове».

К сожалению, в современных исламских государствах такая приверженность общественному благу практически исчезла. За немногими исключениями, и мусульманские элиты, и экстремисты не думают о том, что государство несет ответственность перед гражданским обществом и бедняками. Ни

те, ни другие не проводят серьезных социальных реформ, и подобная неготовность к реформам способствует возникновению кризисов во многих мусульманских странах. И все же простые мусульмане в большинстве своем рассматривают ислам как религию, которая заботится о благе бедных людей: в самом деле, посмотрите, как часто мусульмане обращаются к исламу как к мирной религии, и вспомните о тех миллиардах, которые мусульмане частным образом выплачивают в виде «закята», то есть пожертвования в пользу бедных.

Далее Боннер рассказывает, как в эпоху распространения ислама в Европе джихад становится «имперской идеологией», которая используется для достижения военных побед. В XVIII–XIX веках джихад становится защитным механизмом, чтобы противостоять британскому, французскому и российскому экспансионизму. В долгой истории джихада, пишет Боннер, нет ничего, «что неизбежно обрекало бы нас на повторяющиеся насилие и неудачи. История джихада — это постоянное возрождение старых идиом и форм, но в то же время это всегда история новых политических структур и новых творческих решений».

Возьмем, к примеру, Афганистан. За десять лет войны афганцев против Советского Союза там не было ни одного случая нападения террористов-смертников. Первое подобное нападение «Аль-Каиды» было совершено в сентябре 2001-го, всего за два дня до 11 сентября, когда популярный лидер противников «Талибана» Ахмад Шах Масуд был убит двумя террористами-смертниками. После этого случая едва ли такие теракты имели место в Афганистане до 2004 года, когда террористы-смертники из возродившегося движения «Талибан» организовали шесть нападений на американские и афганские войска. Затем число терактов в стране с участием террористов-смертников

резко возросло: 21 в 2005-м, 136 в 2006 году и 137 в 2007-м.

И кровавая бойня со временем лишь ужесточается. В 2007 году число жертв в Афганистане увеличилось более чем на 50 проц., притом что количество нападений смертников почти не изменилось. В 2006-м в результате терактов с участием террористов-смертников погибло 1100, а в 2007 году — уже 1730 человек. «Талибан» выбрал наиболее доступные цели: в 2007-м в результате всех нападений, включая и нападения террористов-смертников, погибло 900 афганских полицейских и 40 гуманитарных работников. Много жизней унесли и партизанские нападения «Талибана» и «Аль-Каиды».

Многочисленные атаки террористов-смертников стали возможны как в результате новых форм обучения и идеологической обработки, практикуемых «Аль-Каидой», так и благодаря процветающей торговле наркотиками, которая приносит «Талибану» и «Аль-Каиде» огромные деньги, чтобы выплачивать компенсации семьям молодых самоубийц. Еще более трагично то, что теперь разрешается убийство женщин и детей. 6 ноября 2007 года террорист-смертник в Баглане (в северной части Афганистана) взорвал себя, убив 72 афганца, в том числе пятерых членов парламента и пятьдесят девять школьников. Причем еще девяносто три ребенка были ранены. Афганские школы теперь регулярно подвергаются нападениям талибов, и приблизительно 600 школ (из общего числа 8500) пришлось закрыть, отправив по домам 300 000 учащихся. Было убито более 150 учителей и учеников.

В книге «“Талибан” и афганский кризис» под редакцией Роберта Крюса и Амина Тарзи целый ряд эссе посвящен тому, как возродилось движение «Талибан», набирая новых членов, создавая транснациональные сети в Пакистане и в соседних странах и получая

помощь от «Аль-Каиды». Финансирование этого процесса шло за счет торговли опиумным маком и другими наркотиками. В этих эссе, в частности, рассказывается, как к 2006 году движение «Талибан» стало намного более интернациональным, поскольку в лагерях «Талибана» появились иракские и арабские инструкторы, чтобы готовить террористов-смертников.

В своем эссе «Как “Талибану” удастся мобилизовать пуштунов» Абдулкадер Синно отмечает, что после поражения «Талибана» США допустили ошибку и не сумели ни демонтировать структуру власти пуштунов, ни сместить пуштунских военачальников. Это привело к тому, пишет он, что в Афганистане слишком рано появились «иллюзорные символы государства». Вместо того, чтобы «сосредотачиваться на создании видимости государства, Америке и ее государствам-сателлитам следовало бы сделать то, что до них сделал «Талибан»: демонтировать конкурирующие властные структуры».

В книге «Коран, “калашников” и ноутбук: Неоталибанское сопротивление» Антонио Джустоцци пишет, что после победы в 2001-м американцы попытались склонить на свою сторону афганских военачальников и не стали разоружать их отряды в надежде на то, что они будут поддерживать закон и общественный порядок в Афганистане, а американские военные тем временем сконцентрировали бы свои усилия на войне в Ираке. Вложения Вашингтона в Афганистан были недостаточными: и для полноценной борьбы с талибами, и для строительства государства. Сегодня мы наблюдаем последствия этого: «Талибан», наряду с обычными военными акциями, все чаще использует террористов-смертников, а европейские страны все с большей неохотой посылают свои войска в составе сил НАТО на передовую.

По другую сторону границы, в Пакистане, в зонах проживания племен, пакистанские

талибы и разного рода экстремисты создали базу для организации все более масштабных и смертоносных нападений на армию, разведку и полицию как в Пакистане, так и в Афганистане. В Пакистане число атак террористов-смертников увеличилось с шести в 2006 году до пятидесяти шести в 2007-м. Были убиты 419 сотрудников сил безопасности, включая генерал-лейтенанта, и 217 мирных жителей.

Самым большим успехом пакистанского «Талибана» стало убийство Беназир Бхутто в Равалпинди 27 декабря 2007 года, всего за десять дней до всеобщих выборов, на которых, как ожидалось, должна была одержать победу ее партия. Правда, Пакистанская народная партия (ПНП) все же победила на выборах после того, как они были перенесены на 18 февраля 2008-го, и затем сформировала коалиционное правительство вместе с партией Наваза Шарифа. За первые четыре месяца 2008 года в Пакистане было девятнадцать терактов с участием террористов-самоубийц, 274 сотрудника сил безопасности были убиты и сотни ранены.

И в Афганистане, и в Пакистане идут независимые, но поддерживающие друг друга кампании по дестабилизации государства, организаторами которых выступают «Аль-Каида», афганский и пакистанский «Талибан» и другие центральноазиатские исламские группировки. В числе первых террористов-смертников были пакистанские и афганские сироты или психически неуравновешенные подростки, которых вербовали в различных убежищах, детских приютах и лагерях для афганских беженцев в Пакистане. Лидеры талибов правильно рассчитали, что эти первые жертвы повлекут за собой целую волну наиболее дееспособных и преданных новичков. Сейчас уже существует настоящая конвейерная система. Подростков с пылкими сердцами вербуют в пакистанских медресе в районах вдоль границы с

Афганистаном, где проживают пуштуны. Их перемещают из одного безопасного дома в другой, где они проходят разного рода обучение. Например, будущих террористов учат, что перед тем, как привести в действие взрывное устройство, надо наклонить голову, тогда голову разорвет на части и она будет неузнаваемой. А тем временем специальные команды занимаются поиском новых целей в Афганистане.

Сотрудники европейских разведывательных ведомств, с которыми мне довелось говорить в Кабуле и Исламабаде, считают, что все ресурсы для этих террористов-смертников (руководство, вербовка, обучение, идеологическая обработка, материалы) сосредоточены на пакистанской стороне границы и пакистанские власти, по крайней мере до настоящего времени, практически ничего не сделали, чтобы искоренить все это. Присутствие бен Ладена, который, по сведениям американской разведки, также находится на пакистанской стороне границы, вдохновляет боевиков. Изготовление поясов шахидов в пуштунских селениях в приграничной зоне стало своего рода надомным производством, практически ничем не отличающимся от местного кустарного промысла в других регионах третьего мира.

Одна семья делает взрывчатку, другая шьет пояса, третья начиняет бомбу шариками и так далее. Затем все это собирают и оплачивают талибы, которые в своей пропаганде утверждают, что у них стоят очереди из сотен молодых людей, готовых подорвать себя. Основные проблемы, по их словам, заключаются в поиске достойных целей и нехватке взрывчатых веществ. И если в Пакистане большинство террористов-смертников составляют пакистанцы, то в Афганистане это и афганцы, и пакистанцы, и кашмирцы, и выходцы из Центральной Азии, и чеченцы, а в последний раз это даже был родившийся в Германии турок Джюнейта

Чифчи, который 3 марта 2008 года направил свой начиненный взрывчаткой автомобиль на американский военный пост в восточной афганской провинции Хост, убив двух американских солдат и ранив еще пятнадцать. Погибли также два афганца из числа мирных жителей.

Аналогичный человеческий конвейер приносит в Ирак африканцев, арабов и даже европейцев, стремящихся туда с единственной целью — подорвать себя. В апреле 2008-го американский военный представитель в Багдаде заявил, что в 2008 году в Ираке в среднем за месяц совершалось восемнадцать терактов с участием смертников (по сравнению с 8–10 в месяц в 2007 году). Култ самоубийства стал настолько общепринятым, что рядовые боевики «Аль-Каиды» теперь носят пояс шахида как часть своего обмундирования, когда ведут обычные бои с американскими войсками. Эти пояса дают им возможность не попасть в плен живыми и убивать американцев даже в самый момент гибели, но прежде всего удовлетворяют их желание постоянно служить идее мученичества.

Однако с помощью тактики подрывов, которую применяют террористы-самоубийцы, нельзя ни выиграть войну, ни свергнуть режим, ни повлиять на глубинные верования местных жителей. Террористы-смертники не могут вытеснить силы США и НАТО из Афганистана или объединенные силы союзников из Ирака. Чего им действительно удастся достичь, так это вызвать у населения, и без того сбитого с толку, чувство паники, неуверенности и страха, настолько глубоко проникающие, что попытки государственных властей и Запада привлечь местных жителей на свою сторону оказываются все более тщетными. Террор смертников не ведет к победе повстанцев, а создает политическую неопределенность, граничащую с анархией, в условиях которой правительственные силы не могут победить,

делая невозможным восстановление страны. Война может длиться до тех пор, пока у террористов не закончатся смертники.

Печально, что мусульманские лидеры, как политические, так и религиозные, не смогли противостоять этой напасти. Только несколько ведущих духовных лиц осудили атаки террористов-самоубийц как *haram*, то есть нечто строго запрещенное исламским законом, потому что самоубийство — это *haram*. Другие говорят, что нет оправдания терактам против мусульман, но подобные действия можно совершать против сил западных неверных. Едва ли хоть один из исламских политических лидеров Пакистана, имеющих большое число сторонников, открыто осудил «Аль-Каиду» и ее союзников. На самом деле большинство религиозных лидеров, по крайней мере публично, по-прежнему отрицают очевидное, утверждая, что никакой «Аль-Каиды» не существует, что она выдумана американским правительством с целью подчинить себе мусульманский мир.

Руководство США попыталось привлечь на свою сторону так называемых «умеренных» мусульман. Но эта политика потерпела крах. Сейчас самим мусульманам достаточно трудно определить, какая позиция считается «умеренной», поскольку даже либеральные мусульмане, получившие западное образование, резко настроены против американской политики на Ближнем Востоке. «Либеральными мусульманами», наверное, лучше называть тех, кто выступает против экстремизма, но таких очень немного. Отчасти из-за недостатка грамотности, слово «либеральный» стало бранным для ближневосточных лидеров, которые опасаются, что оно может потребовать больших демократических преобразований, в то время как духовная элита видит угрозу в самой идее демократии.

В действительности в Пакистане и в других мусульманских странах идут серьезные

споры об экстремизме: в прессе, в университетах, в бюрократической среде. Однако если государственные власти в этом регионе не станут активно продвигать умеренную версию ислама и не осудят экстремизм, гражданское общество, будучи недостаточно сильным, не сможет сделать это самостоятельно. Кроме того, западные державы никогда не смогут победить в религиозных спорах, пока их вооруженные силы по-прежнему находятся в Ираке и других мусульманских странах.

Цель американской стратегии должна состоять не в том, чтобы найти «умеренных» и затем поставить на них клеймо «Сделано в США», а в том, чтобы поддерживать гражданское общество и демократические институты. Между тем США грубо игнорировали и то и другое, полагаясь на свою военную мощь в плохо продуманной «войне с терроризмом». Вместо того чтобы тратить выделяемые деньги на повышение качества обучения в медресе, как об этом просят пакистанские и другие власти, западные правительства должны выделять больше средств на то, чтобы улучшить светскую государственную образовательную систему, чтобы учителя были профессиональнее, а школ больше, и таким образом предложить реальную альтернативу медресе. Западные страны говорят, что они хотят найти умеренных мусульман, но при этом уклоняются от предоставления достаточного количества целевых субсидий для экономического развития и повышения качества образования. Экстремистов вполне устраивает, что Запад разделяет мусульман на радикальных и умеренных, не делая при этом ничего для поддержки умеренных: в результате экстремистам просто показывают, кто с ними и кто против них.

После 11 сентября возглавляемая США война с терроризмом никоим образом не соотносится с симпатиями и потребностями населения в мусульманских странах. Приблизительно 80 проц. из 10 млрд дол.

американской помощи Пакистану, выделенной с 2001 года, пошли на содержание пакистанской армии. Американские военные тратят более 1 млрд дол. в месяц в Афганистане и более 9,8 млрд дол. в месяц в Ираке на обеспечение собственных военных операций и на создание местных сил безопасности. В сравнении с этим на реконструкцию, строительство государства и укрепление институтов гражданского общества тратятся такие гроши. После проведения выборов или провозглашения новой конституции (будь то в Ираке или Афганистане) поддержка новых институтов потенциально демократического государства, таких как парламент, политические партии, система правосудия и местные органы власти, была недостаточной и в целом не могла обеспечить их эффективную работу.

В Пакистане Америка приняла сторону президента Первеза Мушаррафа, военного диктатора, пытавшегося подавить все демократические силы, которые могли бы воспрепятствовать его дальнейшему пребыванию на посту главы государства. Он прижал прессу, незаконно уволил верховных судей и нарушил конституцию 1973 года. После того как в феврале 2008-го его политические союзники потерпели поражение на выборах, его власть быстро ослабела, поскольку он стал стремительно терять свою популярность. Новое правительство во главе с ПНП позволило прессе и телевидению функционировать свободно и пытается найти новые способы борьбы с экстремизмом, а также восстановить в правах судей. Однако избавиться от наследия, оставшегося после девяти лет военного правления, нелегко. С одной стороны, Мушарраф боролся против «Аль-Каиды» и получал от американцев вознаграждения; с другой стороны, он позволил своим спецслужбам дать в Пакистане прибежище афганским талибам, подстраховавшись на случай возможного краха афганского пра-

вительства. Такая политика только усилила антиамериканские настроения недовольной общественности.

Жизнеописание двух джихадистов — героев книг Омара Насири и Брунхара Лиа — помогают представить, как могли бы развиваться события, если бы высшие чиновники на Западе были более информированными и проницательными. Каждый, кто прочитает обе эти превосходные книги, поймет, чем стала, по сравнению с прошлыми годами, «Аль-Каида» и как можно было бы остановить ее задолго до 11 сентября.

Марокканец по происхождению, Омар Насири («Внутри джихада») сначала попал под влияние алжирских джихадистов в Бельгии в начале 1990-х. Вскоре он начал работать и как двойной агент на французскую, а затем на немецкую и британскую разведки. Он поставлял алжирским боевикам оружие и взрывчатку, прошел обучение в Афганистане, потом перебрался в Лондон, где пытался продвигать идею мирового джихада. Одновременно с этим он передавал западным спецслужбам информацию о военизированных организациях в Северной Африке и на Ближнем Востоке, а также об их изгнанных лидерах в Лондоне. Он выпивал, ходил по клубам, у него были подружки, и хотя он и был приверженцем джихадизма, но так никогда и не стал его истинным адептом, безоговорочно принимающим это учение. «Только одно действительно беспокоило меня... коротко говоря, проблема современного ислама, — пишет он. — Мы полностью зависим от Запада: это касается и наших посудомоечных машин, и нашей одежды, и наших автомобилей, и нашего образования — всего. Унизительное положение, и каждый мусульманин чувствует это... В течение многих столетий мы значительно опережали Запад. Мы были самой развитой цивилизацией в мире. Теперь все наоборот.

Мы даже не можем сражаться, не используя оружие наших врагов».

В книге присутствует напряжение триллера, но это реальность. В 1995 году Насири поехал через Пакистан в Халден, тренировочный лагерь террористов в Афганистане, который позже стал известным благодаря бен Ладену. Здесь он изучал военную тактику, но усвоил также, что во время джихада надо беречь женщин и детей, что нельзя взрывать церкви, источники водоснабжения и школы и что никого, к какой бы религии человек ни принадлежал, нельзя убивать во время молитвы. «Конечно же существует много разновидностей джихада, — пишет он. — Есть внутренний джихад... джихад знания и учености. Есть джихад языка... Есть джихад, который ведется с помощью тех или иных действий... и даже путем предоставления денег для поддержки основного джихада... Священной войны». Заслуживает внимания то, что в концепции джихада, с которой в свое время познакомился автор, были определенные правила поведения, от которых позже «Аль-Каида» отказалась.

Потом французские хозяева его бросили, британской разведке он тоже оказался не нужен, и он сблизился с немцами. Насири подробно рассказал о том, как мало внимания европейские спецслужбы уделяли джихадизму в конце 1990-х. Он осел в Германии под вымышленным именем и женился. События 11 сентября повергли его в ужас, что побудило его написать эту книгу.

Герой книги Брунхара Лиа «Творец мирового джихада» — сириец по происхождению Мустафа бин Абд аль-Кадир Сетмариам Назар, более известный как Абу Мусаб аль-Сури, — был преданным джихадистом с самого детства. Аль-Сури — журналист по профессии, историк по призванию и, возможно, самый разумный, начитанный и дальновидный агент, которого когда-либо имела в своих рядах «Аль-Каида».

Он давно верил в возможность расширения территории, контролируемой джихадистами, и сегодня «Талибан» и «Аль-Каида» вновь пытаются вернуть себе земли, которые они потеряли в 2001-м в районах проживания пуштунских племен на границе Афганистана и Пакистана. «Без конфронтации в этой зоне и завоевания земли, — пишет он, — мы не сможем создать государство. А это стратегическая цель идеи Соппротивления».

Аль-Сури также критикует бен Ладена за то, что тот организовал теракты 11 сентября, утверждая, что тем самым он поставил талибов под удар американцев, жаждущих возмездия. ЦРУ потребовалось несколько лет после 11 сентября, чтобы понять, что аль-Сури был важной интеллектуальной фигурой в «Аль-Каиде». И хотя его арестовали в Белуджистане (одна из провинций Пакистана), его прежние трения с бен Ладеном оставляли мало надежд на то, что он знает о местонахождении последнего. Теперь американская разведка уже с уверенностью сообщает, что бен Ладен скрывается севернее, в зонах проживания племен в Пакистане. Если бы аль-Сури заговорил с сотрудниками ЦРУ — в каком бы секретном месте его ни держали, — он, несомненно, стал бы ценным источником информации, особенно о ячейках джихадистов в Европе, где он жил и работал многие годы.

Еще две книги посвящены будущему американской внешней политики и написаны американскими экспертами: Даниелом Байменом «Война на пяти фронтах: Как лучше бороться с мировым джихадом» и Филипом Гордоном «Победить в справедливой войне: Путь к безопасности Америки и всего мира». Авторы этих книг подвергают критике политику администрации Буша и размышляют о том, что может и должен сделать новый избранный президент Соединенных Штатов, в частности, в отношении джиха-

дизма. Баймен — эксперт по борьбе с терроризмом из Джорджтаунского университета и старший научный сотрудник в Институте Брукингса; Гордон — бывший сотрудник Совета национальной безопасности и также старший научный сотрудник Института Брукингса. Оба они предлагают здравые идеи и разумную стратегию, которые уже давным-давно следовало бы взять на вооружение. У читателей обеих книг складывается впечатление, что политика администрации Буша была настолько идеологизированной, что любые соображения, основанные на реальности, последовательно отвергались.

Баймен описывает изменения, произошедшие в «Аль-Каиде», споры об этом в американском истеблишменте и анализирует угрозу, которую «Аль-Каида» представляет собой сегодня. Опираясь на множество источников, Баймен приходит к выводу, что лидеры «Аль-Каиды» стремятся к установлению контроля над территорией и их целью остается захват власти, например в Афганистане, чтобы заложить базу для создания мирового халифата. Баймен также считает войну в Ираке катастрофой, утверждая, что эта страна превратилась в настоящий рассадник джихадизма и что американцам никогда не удастся одержать там победу.

Он предлагает альтернативные стратегии ликвидации «Аль-Каиды». В вооруженных силах следует провести радикальную реорганизацию, с тем чтобы они могли выполнять их нынешнюю «основную» функцию — бороться с мятежами и, когда это необходимо, «целенаправленно уничтожать лидеров террористов». Но вопрос о том, хватит ли у самих США ресурсов и опыта, чтобы реализовать такую стратегию самостоятельно, или им придется положиться на международное сотрудничество, остается открытым, и автор подробно на нем не останавливается.

Баймен обращает внимание на тот важный, но обычно упускаемый из виду факт,

что в мусульманском мире пропагандистская война «Аль-Каиды» была намного эффективнее, нежели американская, и что «Ирак дал «Аль-Каиде» огромное преимущество в пропагандистском плане». Сегодня на своих веб-сайтах «Аль-Каида» вербует в свои ряды новых добровольцев, разбирающихся в сетевых технологиях и хорошо знакомых с новейшими средствами связи. Теперь она чувствует себя достаточно сильной, чтобы открыто рекламировать свои международные учебные базы. Так, иракский джихадист-ветеран Абу Каша, который организовал тренировочный лагерь для террористов-смертников в Мир-Али в зоне проживания племен в Пакистане, в апреле 2008-го выпустил видеоролик с призывом к джихаду против США и их союзников и с предложением обучать всех желающих иностранцев.

Противостоять такому сопротивлению будет нелегко. «Бюрократия, координирующая американский мессидж, должна стать сильнее и играть более заметную роль, — пишет Баймен. — В частности, необходимо повысить ранг таких чиновников в иерархической структуре». Однако он не уточняет, какой именно мессидж Соединенные Штаты должны донести до удаленных от Америки молодых мусульман, кроме «негативного отношения» к «Аль-Каиде». Автор ничего не говорит и о том, каким образом США могли бы найти этих более совершенных и компетентных чиновников, на которых он возлагает надежды. Но в то же время он очерчивает круг некоторых важных проблем, с которыми придется столкнуться высшим должностным лицам в Америке.

Гордон четко формулирует свою позицию с самого начала. «Администрация терпит неудачу, поскольку она ведет неправильную войну... Она возлагает надежды на жесткие переговоры и военную силу, в то время как гораздо важнее идеология, разведка, дипломатия и оборона», — пишет он. Гордон

говорит, что Буш всегда неверно изображал «войну против терроризма», рисуя упрощенные образы злодеев, которые ненавидят американские ценности. Автор утверждает, что в борьбе с джихадизмом необходимо прибегнуть к стратегии, подобной той, с помощью которой США в свое время выиграли холодную войну против Советского Союза, используя политику сдерживания и комплексные подходы. Эта затяжная война, требующая мысли, не из разряда тех коротких войн, в которых доблестные силы американского спецназа умеют одерживать победу.

По мнению Гордона, чтобы вести «правильную» войну, администрации Буша следовало бы предпринять решительные шаги в области национальной энергетической политики, а дипломатия на Ближнем Востоке должна быть более активной и более осведомленной. Он предлагает длинный список рекомендаций: закрыть базу Гуантанамо, увеличить расходы на защиту территории Соединенных Штатов, восстановить информационную службу США и уменьшить зависимость Америки от ближневосточной нефти. Он также утверждает, что США должны уйти из Ирака и вступить в переговоры с Ираном, который оказывает огромное и все нарастающее влияние на своего шиитского соседа. Америка должна «восстановить свою роль как нейтрального посредника между арабами и израильтянами» и «предпринять гораздо более энергичные усилия по установлению израильско-палестинского мира».

Новой американской администрации следовало бы серьезно отнестись к анализу и рекомендациям Баймена и Гордона. В 2008 году боевая активность и деятельность террористов-смертников возросла и в Ираке, и в Афганистане. В Афганистане с января по март 2008-го талибы совершили 704 военных нападения, убив 463 мирных жителей (по сравнению с 424 нападениями за тот же

период предыдущего года, в ходе которых погибло 264 мирных жителя). Американские методы ведения войны с террором фактически усилили воздействие пропаганды джихадистов и способствовали распространению деятельности «Аль-Каиды» и ее союзников на новые поля сражений в Европе и за ее пределами. Никакого быстрого решения проблемы борьбы с террористами-смертниками ни

в Афганистане, ни в Ираке, ни в других местах не существует. Только серьезные усилия, направленные на изменение американской дипломатии и формирование новой политики по оказанию помощи, построению государства и использованию военной силы совместно с другими странами, могут принести результаты. ■

АХМЕД РАШИД

Philip P. Pan. Out of Mao's Shadow: The Struggle for the Soul of a New China. Simon & Schuster, 2008. 349 p. (I)

Jeffrey Tayler. Murderers in Mausoleums: Riding the Back Roads of Empire Between Moscow and Beijing. Houghton Mifflin Harcourt, 2009. 320 p. (II)

После окончания холодной войны мир стал свидетелем бурного развития так называемого авторитарного капитализма. Не то чтобы данное явление было совсем уж новым: Сингапур, Тайвань, Гонконг и Южная Корея еще в 1970-е годы продемонстрировали, что можно достичь поразительно высоких темпов роста, сочетая рынок с благонамеренной диктатурой. Однако ни у одного из упомянутых государств не было ни политической воли, ни военной силы серьезно повлиять на установившийся в мире порядок. В глазах Европы и Америки восточноазиатские «маленькие тигры» выступали, фигурально говоря, в категории перспективных боксеров легчайшего веса, поэтому их экономические успехи если что-то и значили, то только в региональном, а не глобальном масштабе.

Эти ранние эксперименты с капитализмом, возвращаемом в условиях полицейского государства, в XXI веке воспроизводятся уже в несравненно более широких масштабах. К началу нового столетия непрерывно реформирующийся Китай достиг такого

уровня развития, когда его экономическая мощь бросает серьезный вызов устоявшемуся господству Запада (Запада в широком смысле — наряду с США и Европой он включает в себя также и демократическую Японию с ее пока еще второй по величине экономикой в мире). Россия, вернувшаяся после хаоса 1990-х в состояние спокойствия, которое поддерживается полицейским государством, и оседлавшая волну повышающихся цен на углеводороды, обрела уверенность в себе, а порой и воинственность. Быстрый и мощный подъем этих двух стран породил взволнованные дискуссии о будущем демократических ценностей в мире, в котором, как оказалось, можно разбогатеть, игнорируя оные. По мнению некоторых наблюдателей, связанная с таким ходом событий борьба за политическое влияние и природные ресурсы знаменует начало новой эры соперничества между великими державами. Создание в 2001 году Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) — своего рода протоальянса между Москвой и Пекином с участием нескольких бывших советских республик

Центральной Азии — как будто бы подтверждает подобные опасения.

Однако большая часть рассуждений о подъеме авторитарного капитализма исходит из ненадежных или даже внутренне противоречивых посылок, редко становящихся предметом трезвого анализа, которого они заслуживают. Имеет ли российская экономика действительно прочную основу развития, учитывая ее критическую зависимость от нефти и газа, а также состояние ее других секторов, все еще ожидающих глубоких реформ? Можно ли утверждать, что в темпах роста экономики Китай достиг максимально возможного или же эти темпы могли бы быть выше? Правда ли, что правительство Владимира Путина менее коррумпировано и более эффективно, чем правительство Бориса Ельцина? И самое главное: что мы имеем в виду, когда говорим о политической или экономической «стабильности»? Можно ли считать стабильной страну, которой приходится на регулярной основе использовать полицейские силы для подавления рабочих волнений или выделять огромные ресурсы для контроля над Интернетом и СМИ? Экстраординарный экономический кризис 2008-го воспринимается многими как заслуженная кара для Америки с ее безудержной приверженностью к свободному рынку. Гораздо реже говорят о том, что это также испытание на прочность авторитарных капитализмов. Вот только один пример: в ходе недавних финансовых потрясений российские фондовые рынки потеряли до 75 проц. своей стоимости по сравнению с пиком 2008 года: это ли не оценка эффективности финансового менеджмента в эру Путина?

Поэтому можно только приветствовать инициативу Филипа Пэна и Джефффри Тейлера, обративших внимание на многие из упомянутых выше проблем. Пэн, корреспондент *Washington Post* в Пекине с 2000-го по 2007 год, начинает свою книгу «Выходя

из тени Мао: Борьба за душу нового Китая» с признания очевидного успеха «самого крупного и, возможно, самого удачного в истории эксперимента в рамках авторитаризма» (I, с. XIV). Коммунистические лидеры Китая, отмечает он, «возглавили экономическую революцию, не выпуская власть из своих рук» (там же). Но автор идет дальше этой констатации.

«Можно говорить об их замечательных достижениях, особенно если вспомнить, какие бедствия правители Китая принесли своему народу в предшествующие пятьдесят лет. Однако по мере того, как я исследовал успехи КПК, я заметил и кое-что еще весьма необычное: люди, изживая травму, нанесенную коммунистическим господством, отстаивают свои права перед лицом государства и желают в большей мере распоряжаться собственной жизнью. Это те, кто пережили “Большой скачок”, вместе со своими близкими пройдя через, может быть, самый страшный в истории голод, те, чей идеализм власти эксплуатировали в безумные годы “культурной революции” и чьи ценности теперь испытываются на прочность быстро развивающейся экономикой и всеобщей жадой обогащения. Юноши и девушки, которые заполнили площадь Тяньаньмэнь весной 1989 года, стали свидетелями кровавого краха своих надежд на демократизацию Китая. Однако многие прагматично настроенные люди более старшего возраста по-прежнему пытаются теми или иными способами добиваться политических перемен» (там же).

Пэн обращает внимание на факты, которыми обычно пренебрегают те, кто стремится заморозить нас «общей картиной» высоких темпов роста и процветающих городов Китая. Когда вокруг вас все обогащаются, можно с основанием ожидать, что и вам захочется того же самого, а если для этого требуется держать рот на замке и аплодировать власти имущим, когда те этого желают, то

логично предположить, что вы легко согласитесь с предложенными правилами игры, тем более что проявление недовольства может навлечь на вас гнев государства. Для большинства людей стандартная социальная позиция — это конформизм, и она легкообъяснима выгодами, которые получают те, кто решил держаться подальше от конфликтов. Обычно люди руководствуются рациональными доводами, предпочитая неприятностям приспособленчество, покорность и компорт. Ничего необычного в этом нет.

Но как быть с теми загадочно странными людьми, которые с энтузиазмом сами себе навязывают неприятности? Понять их намного труднее. Представители этого упрямого и обычно крошечного меньшинства жертвуют собственным благополучием во имя принципов, агитируют за более широкие права и не позволяют правительству (или другим большим и могущественным группам) решать за них, что им следует думать. Таких людей можно встретить даже в самой мрачной тоталитарной системе. Они существовали при Гитлере и при Сталине, они то и дело дают себя знать в Северной Корее. Притом конформизм в тех страшных условиях был в определенном смысле менее привлекателен, чем в современном Китае. В конце концов, жизнь при нацистах или большевиках была весьма аскетичной, и позиция конформиста далеко не всегда приносила какие-то реальные материальные выгоды. Напротив, в сегодняшнем Китае гражданам, которые согласны с официальным курсом, гарантированы все преимущества комфортного потребительства; в обмен им, как правило, следует всего-навсего соблюдать ритуалы показного подострастия по отношению к властям да терпеть некоторые неудобства, связанные с коррупцией. Действительно, что мешает людям время от времени отдавать дань лицемерия все более слабеющей ортодоксии и жить преспокойно дальше?

И тем не менее Пэн предпочел представить на суд читателя поразительную подборку историй, иллюстрирующих прямо противоположные жизненные устремления. Описанные им китайцы — это уникальная, странная и, можно с уверенностью сказать, совершенно нетипичная группа. Слепой адвокат, энергично защищающий права инвалидов, берется за дело подвергающихся преследованию крестьян и в итоге попадает в тюрьму. Журналист помогает основать задиристый таблоид, основой коммерческого успеха которого становится готовность говорить о том, чего другие не хотят касаться. Его разоблачения коррупции и разложения в рядах полиции приводят к серьезным изменениям в политике партии в этой сфере, но для него самого всё кончается крахом. Пожилой доктор в одиночку решается нарушить партийный заговор молчания относительно масштабов эпидемии атипичной пневмонии; власти на некоторое время его задерживают и в конце концов заставляют замолчать, но лишь после того, как он «сделал больше, чем можно было ожидать», как справедливо замечает Пэн (I, с. 234). Одна из самых трогательных историй в этой книге посвящена невеселым исканиям андеграундного кинорежиссера Ху Чжи, который увлекся полной белых пятен биографией некоей поэтессы Линь Цзяо, правоверной коммунистки, позднее ставшей критиком режима. «Вычищенная» из КПК в конце 1950-х за свои выступления против закручивания партия гаск, она растворяется в недрах тюремной системы, чтобы в 1968 году подвергнуться смертной казни. После нескольких лет тщательных поисков ему наконец удается восстановить часть ее обширного литературного труда, который она написала в тюрьме, преимущественно используя в качестве чернил собственную кровь. В процессе работы Ху осознал, пишет Пэн, «что наряду с понятным желанием забыть, существует

и естественная потребность сохранить в памяти» (I, с. 29) — замечательный ориентир, которым мы склонны пренебрегать.

Еще один герой его книги посвятил себя сохранению заброшенного кладбища в городе Чунцине (провинция Сычуань), возможно единственного в Китае, на котором похоронены только жертвы «культурной революции». В те годы в Чунцине было много военных заводов, и это спровоцировало там необычную по размаху вспышку насилия (с полномасштабными танковыми и артиллерийскими перестрелками) между враждовавшими между собой фракциями хунвейбинов («красногвардейцев»). Сегоднешнее китайское руководство, понимая, что безудержная критика безумств и эксцессов председателя Мао может подорвать легитимность КПК, пытается подретушировать в учебниках эту страницу истории. Как бы то ни было, люди тайком ходят на кладбище, чтобы помянуть тех, кто там покоится, — потребность увековечить память, сохранить связь с теми, чья жизнь преждевременно оборвалась, оказывается сильнее лояльности к властям. Затем следует новый поворот сюжета — Пэн рассказывает о местном коммунистическом чиновнике, который решил сопротивляться попыткам снести кладбище: «Будучи партийным руководителем города, он располагал достаточными полномочиями, чтобы спасти кладбище, и не видел в этом большого политического риска для себя. Но Ляо также знал, что кое-кто не согласится с таким решением, и, чтобы положить конец спорам и призвать людей “сомкнуть ряды и смотреть в будущее”, он выделил деньги на сооружение стены вокруг кладбища и приказал закрыть на него доступ. Описывая мне ситуацию, Ляо улыбнулся своей озорной улыбкой и добавил: “Люди говорят, что Ляо Бокань нашел весьма хитроумный способ сбечь с кладбище”» (I, с. 109).

Этот блестящий очерк передает как сложность нынешнего пути Китая, так и неодно-

значность реакций людей на противоречия, с которыми они сталкиваются. Что действительно делает книгу Пэна захватывающим чтением, так это его способность увидеть в своих героях цельные личности, а не просто источник предсказуемых цитат (а это как раз один из самых существенных недостатков книг, написанных журналистами) (I, с. 272). Вот как он описывает адвоката-правозащитника, защищавшего авторов спорной книги о притеснении крестьян в деле о клевете, которое было возбуждено раздраженным партийным чиновником: «Высокий мускулистый человек с квадратной челюстью и стрижкой “ежиком”, Пу больше походил на лесоруба, чем на адвоката, и когда мы встретились, я был поражен тем, как он сочетает в своей речи язык улицы с классическим китайским; в результате получалась смесь, которая поставила бы в тупик даже исконного носителя языка» (там же).

При этом Пэн не ограничивается портретами тех, кто пытается противостоять существующей системе. Его описание низового рабочего движения в маньчжурском промышленном поясе содержит не только свидетельства удивительной политической изобретательности его малообразованных организаторов, но и разбор довольно хитроумных приемов (таких, как подкуп активистов предложениями высокооплачиваемой работы с угрозой тюремного заключения в случае отказа), используемых партией, чтобы нейтрализовать своих оппонентов. Автор приводит много примеров того, как политика корректируется или смягчается под влиянием недовольства народных масс. Одна из самых поразительных зарисовок в книге — это портрет самостоятельно выбившейся наверх женщины-магната, риелтора Чен Лихуа, которая была инициатором сноса домов в окрестностях исторического Пекина и выселения их жителей: «Грузная, в больших очках, со скверным перманен-

том, она похожа на безвкусно одетую тетку, которая выиграла в лотерее, а простые люди называют ее *fufu*, то есть “богатая госпожа”. В свои 59 лет она контролирует огромную империю недвижимости, занимает видные посты в государственных консультативных органах и живет в десятиэтажном особняке позади музея, построенном ею в восточной части города. Она стала одной из двух женщин, вошедших в составленный журналом *Forbes* список самых богатых людей Китая в 2001 году, заняв в нем шестое место с активами, превышающими 550 млн долларов. Государственные СМИ заискивают перед ней, рассказывая о ее восхождении от нищеты к богатству и о ее благотворительной деятельности, а широкая публика посмеивается над браком Чен Лихуа с мужчиной-телезвездой, который на десять лет ее моложе» (I, с. 155). Она сумела окутать свою биографию дымкой таинственности и наполнить ее мифами (в том числе и оплачивая журналистов, которые всегда готовы ее пиарить). Тем не менее Пэн удалось рассказать нам историю «об умной и проницательной деловой женщине, которая рано поняла, что самый прямой путь к богатству в раздольной переходной экономике Китая — это добиться расположения партийных чиновников» (I, с. 158). Ссылаясь на этот персонаж, Пэн оспаривает одно из краеугольных положений расхожей западной мудрости относительно Китая. «На Западе принято считать, будто растущие ряды частных предпринимателей в КНР создают базу для демократических преобразований в стране, — пишет он. — Но те, кто рассчитывает на капиталистов как на проводников демократизации в Китае, скорее всего, будут разочарованы. Нарождающаяся здесь деловая элита весьма разношерстна и многообразна: на каждого сторонника политических реформ приходится несколько тех, кто поддерживает авторитаризм, зависит от него, верит в однопар-

тийную систему и именно ей обязан своим успехом» (I, с. 155–156).

Это лишь один из многих пунктов, сближающих китайскую версию коррумпированного капитализма с российской. Магнаты в обеих странах чаще всего обязаны своим благосостоянием связям во властных структурах и доступу к недрам, нежели искусству выживания в подлинно конкурентной борьбе, и они прекрасно понимают, что деловая среда, основанная на принципах прозрачности и верховенства закона, не обязательно отвечала бы их интересам.

Но действительно ли Россия и Китай так похожи? «Авторитарный капитализм», как и «либеральная демократия», — это одна из тех удобных этикеток, за которыми могут скрываться самые разные по смыслу явления. Американский автор Джефффри Тейлер, в книге которого «Убийцы в мавзолеях: По проселкам империи от Москвы до Пекина» описывается запутанный маршрут его путешествия из Москвы через Кавказ и Среднюю Азию в Пекин, имел прекрасную возможность подметить некоторые различия. В российском городе Новочеркасске ряженный казак читает Тейлеру лекцию о его «расовой нечистоте» и растолковывает необходимость восстановить средневековый обычай публичных казней через обезглавливание на Красной площади. Друг-осетин, пригласив автора на великолепный пикник, с энтузиазмом объясняет ему, почему Сталин поступал абсолютно правильно, совершая массовые убийства. «В российском контексте, — с иронией отмечает Тейлер, — “сильный правитель” неизменно означает коронованного убийцу, который, действуя от имени государства, преследует тех, кто выступает против часто абсурдной и пагубной политики, проводимой им» (II, с. 75). В Дагестане знакомый мусульманин объясняет Тейлеру, почему он верит в джиннов, в снежного человека и в величие Путина (II, с. 97), а имам местной

мечети клеймит сионистов, гибельность расколов в исламском мире и «западный образ жизни». «Неприязнь к Западу ныне становится всеобщим поветрием в России», — заключает Тейлер (II, с. 94).

Под конец своей поездки, в быстро растущем городе Урумчи на западе Китая, возможность взглянуть на проблему изнутри позволила ему подметить разительный контраст: «Все еще плохо соображая после вчерашнего вечера, я не мог не поразиться, как Китай (и даже его захолустные районы) отличается от России. И это не удивительно, поскольку развитие Китая происходит за счет экспорта готовых товаров, а России — благодаря вывозу углеводородов. Поэтому в России не найти эквивалента городу Урумчи, ведь она производит мало товаров, пользующихся спросом. Но различия еще глубже. На улицах и площадях китайских городов вы не увидите пьяных; китайцы усердно трудятся, пребывая при этом в хорошем настроении; их разговоры не зациклены на теориях заговоров и на том, как была выиграна либо проиграна холодная война или какого политика либо бизнесмена следует посадить в тюрьму или расстрелять за то, что он “грабит людей”, — они говорят о том, как улучшить свою жизнь трудом и учебой. Сотни тысяч китайцев учатся за границей, а российские власти даже не признают иностранные дипломы. Ни один человек в Китае не ностальгировал при мне по Председателю Мао, в то время как многие русские мечтательно рассуждают о новом Сталине и “железной руке”. Запад, столь непопулярный теперь в России, по-прежнему вызывает вождение и энтузиазм в Китае. И, что очень важно, китайцы приняли западные рыночные реформы (и попкультуру), русские же чувствуют себя жертвами Запада, обманутыми рыночными реформами, в результате которых большинство их обеднело» (II, с. 266).

Как и любая генерализация, это обобщение тоже вызывает возражения. По его

собственному признанию, Тейлер (хотя и будучи великолепным лингвистом) далеко не безупречно владеет китайским, а его подборка мнений жителей Урумчи, по правде сказать, не слишком представительна. (Не говоря уже о том, что довольно много времени он провел в местном ночном клубе, поэтому его набор респондентов несколько специфичен.) Исходя из моего собственного, хотя и очень ограниченного опыта пребывания в Китае, я полагаю, что поклонников Мао там все-таки много больше, чем полагает автор, и сам факт посещения им могилы Мао указывает на это. И все же он в чем-то прав. Так, тонко подмечено различие в подходах к образованию. При всем своем национализме китайцы гораздо более прагматичны, когда речь идет о заимствовании зарубежного опыта для нужд модернизации; русские же более склонны видеть в знании, приходящем из-за рубежа, угрозу, которую необходимо отразить, считая это знание частью широко-го «заговора», направленного против них.

Фактически книгу Пэна можно рассматривать как плодотворное следствие из аксиомы, предложенной Тейлером: поскольку китайский капитализм имеет местные корни, те китайцы, которые стремятся к большей личной ответственности и большей открытости, когда речь идет об их собственной истории, чувствуют себя значительно увереннее, чем их российские коллеги. К тому же трезвый и дифференцированный взгляд Пэна на китайское общество может служить полезным коррективом к некоторым наиболее эмоциональным эскападам Тейлера. Когда последний видит огромную очередь людей, желающих посетить могилу Мао на площади Тяньаньмэнь, и почтение, с которым они относятся к Великому Кормчему, он немедленно делает вывод, что является свидетелем триумфа авторитаризма: «Толпы, которые и в наши дни идут к забальзамированному телу Председателя Мао, — это знак

того, что будущее Китая вряд ли принадлежит либеральным реформаторам, что не все люди откликаются на зов свободы, что прежние злодеяния могут быть забыты и что справедливость — понятие растяжимое. Западу (и особенно Соединенным Штатам) следует признать неизбежность того, что Евразия пойдет своим путем, не втягиваясь в альянсы и будучи представлена не одной, а несколькими державами, достаточно богатыми природными ресурсами, чтобы обеспечить свою независимость и суверенную власть — одновременно авторитарную и капиталистическую, контролирующую (не правомерно, с точки зрения Запада) СМИ, промышленные компании и монополии, обладающую финансовой и военной мощью. Еще 10–15 лет назад никто не ожидал, что возникнет такого рода авторитарный капитализм, но теперь он есть и крепнет с каждым днем, опираясь на поддержку послушных граждан» (II, с. 305–306).

Однако этот, по видимости, грандиозный расцвет чреват и многими проблемами. Так, я совсем не убежден, что допущения, сделанные Тейлером, подтверждаются фактами, представленными в его книге. Достаточно привести всего один пример: мусульмане-уйгуры, с которыми он встречался во время поездки по Синьцзяну, западной провинции Китая, кажутся вполне едиными в своем презрении к ханьцам и деспотичному правлению Пекина, а предполагаемое тлетворное влияние Запада, по-видимому, имеет к этому мало отношения (насколько мне известно, никто ни в Вашингтоне, ни в Брюсселе никогда не сомневался в суверенитете Пекина над этой территорией, особенно после 11 сентября). Выводы Тейлера не согласуются с намного более проработанной версией китайской действительности, представленной Пэном. Если население Китая столь покорно, то почему, как отмечает Пэн, в 2004 году властям пришлось иметь дело в среднем с 200 массовыми беспорядками в день? Если китай-

ские власти тратят столько времени и сил на отслеживание и противодействие даже самым незначительным проявлениям инакомыслия, то, по-видимому, правящая партия не так уж и уверена в лояльности народных масс (то же самое можно адресовать и Путину с Медведевым). Нельзя сказать, чтобы Пэн питал какие-то иллюзии относительно ближайших перспектив демократического движения, но он признаёт, что сегодня у китайцев больше свободы и экономических возможностей, чем когда-либо прежде, и что многие китайцы, естественно, одобряют линию компартии. Достоинство его книги состоит в том, что в ней тщательно отслеживается формирование сложного компромисса между властью и массами.

Но и в книге Тейлера много тонких наблюдений. Лучшие ее страницы не те, где автор пускается в широкие обобщения, а те, где он делится с читателем живыми впечатлениями от поездки. Предыдущие книги Тейлера о таких странах, как Марокко и Конго, были отмечены выразительным языком и острой наблюдательностью, и здесь эти достоинства также присутствуют. «Кабардинский, — пишет он, — мелодичный язык, напоминающий крик козодоя» (II, с. 63). Музей Великого шелкового пути в Кашгаре, оставленный на произвол судьбы китайскими властями, с подозрением относящимися ко всему, что бросало хоть какую-то тень на вымысел о тысячелетиях непрерывного господства народа хань в этом регионе, «ветхий и почти пустой, выглядит как разграбленная гробница» (II, с. 253). В одном обшарпанном местечке в Казахстане «было удивительно много парикмахерских салонов, в которых неопрятные цирюльники обслуживали клиентов, отпуская их в таком виде, словно они постригли себя сами с помощью садовых ножниц» (II, с. 145). После всех его встреч с краснобаями и фанатиками беседа со знакомой по имени Катя, преуспевающей

молодой русской женщиной из Ростова, кажется просто глотком свежего воздуха:

«Раньше жизнь была намного, намного хуже, чем теперь. И пусть люди говорят, что дела сейчас идут плохо, я знаю, что всегда могу заработать деньги и позаботиться о себе. Я не интересуюсь политикой. Я не хочу быть пессимисткой и просто делаю все, что в моих силах, чтобы обеспечить себя и своего сына. Теперь я хочу иметь и дочь. Подарить жизнь еще одному существу — это великое счастье». На момент нашего разговора она была одинока и не собиралась выйти замуж.

«А что вы думаете о Путине?» — спросил я.

«Я его очень уважаю. При нем дела идут лучше. По крайней мере, коррупция не такая открытая. Люди боятся брать взятки». Когда я возразил ей, сообщив, что слышал противоположное мнение, и привел в пример закрытие последнего политического ток-шоу в прямом эфире, она пожала плечами: «Президент Путин — достойный глава государства. Моя жизнь стала лучше, вот все, что я могу сказать. Я знаю, как идут дела лично у меня». Она высказала все это непринужденно, сидя за столиком в кафе, заполненном оживленными людьми, которые обедали или пили капучино. Она говорила искренне, с уверенностью в своей правоте. Но ведь счастливые люди не делают революций» (II, с. 44).

Революция, говорите? Я что-то не слышал, чтобы кто-нибудь в России готовил в последние годы революцию. И я далек от мысли, чтобы задним числом критиковать Катины суждения. Могу только сказать: это та женщина, с которой я был бы счастлив выпить чашечку капучино. И все же возникает вопрос: как подобные ей разумные русские люди будут реагировать на развитие политической ситуации в России в ближайшие годы? Профессор из Принстона Стивен Коткин удачно сформулировал эту проблему в своем недавнем обзоре книг о России: «Когда подавляющее большинство русских принимают или даже приветствуют концентрацию власти в руках Путина, наблюдатели, воспитанные в лоне англо-американской политической культуры, подозревают в этом не только заблуждение, но и любовь к авторитаризму. К сожалению, русским никогда не предлагали подлинную демократию и верховенство закона в сочетании с высоким уровнем жизни» (*Kotkin S. Myth of the New Cold War // Prospect First Drafts*. 28.03.2008). При всем моем уважении к Тейлеру я полагаю, что политическая история Евразии, какой бы статичной она иногда ни выглядела, находится только в начале долгого пути. ■

КРИСТИАН КАРИЛ